

Зато с императором-кузеном о положении вокруг династии Цин он беседовал, и государь в целом стратегию его — подкупать, привлекать, угрожать, бить — одобрил. Однако в зале совета умы были сумбурны, и сколь ни хороша была задумка, почему-то тех, кто мешал и подножки ставил, всегда оказывалось куда больше, чем тех, кто дело делал. На третий день по возвращении, на утреннем совете, по воле императора министр чинов Чжан Цаншуй осторожно заикнулся о деле «привлечения». Кого привлекать? Северных жунов. Из всех соседей династии Цин именно северные жуны более всего поддавались привлечению. Двадцать с лишним лет они друг с другом дрались, и всё из-за «открытия пограничных рынков».

Северные жуны — народ кочевой, за водой да травой следующий. В изобилии имели они лошадей, меха, дикий женьшень и прочий грубый товар, а шёлк, чай, соль, железо — тонкий товар — делать не умели. Что ж, не умеешь — честно меняй на границе с жителями окраин династии Цин: лошадей, меха, женьшень на шёлк, чай, соль да железо. Да и сами варвары народ простодушный, мелочными хитростями не промышляли, обвеса не знали. Сперва лишь жители окраин с варварами по мелочи менялись, потом купцы, узрев великую выгоду, попробовали гуртом модный в династии Цин товар на окраины свозить, а позже и масштабы возросли, и даже ханская ставка жунов подключилась: хатуны да принцессы сильно полюбили шёлк да украшения династии Цин, большие цены платить согласны были. Появился рынок — купцы ещё усерднее товар за границу повезли. Купцы караванами шли, из внутренних земель на окраины дорогу не слишком зная, вот и нанимали жителей тех мест с жунами дела вести, а те и себе пропитание добывали.

Династия Цин на сие смотрела сквозь пальцы, ибо северные земли суровы, жителям окраин для пропитания иной раз и торговлей помаленьку заниматься приходилось. Коли жуны торговать по-честному желали — это ж лучше, чем когда, не выменяв, грабят да беспокоят. Сошлись причины в одну — двор глубоко не копал, власти на местах руку ослабили, и мелкий обмен в крупный «пограничный рынок» превратился.

Однако рынок сей век короткий имел, не прошло и года — закрылся. Династия Цин специально близ жунов заставу Хулао поставила, дабы жунов стеречь, не дать ордам тем, коли выменять не смогут, грабить да нападать. А почему столь бойкий рынок захирел? Из-за одного дела, из-за коего династия Цин, до того глаза закрывавшая, взорвалась вовсе: жуны укрывали шайку разбойников из Даши, да ещё и тем время от времени послабления делали. Шайка та в пределах династии Цин великое злодеяние совершила, потом к жунам отступила, награбленное на части поделила, и одна часть прямоком в ханскую ставку жунов отправилась. Укрыли да ещё и в доле участвуют — чем от разбойников отличаются?!

Дабы шайку ту истребить, династия Цин с жунами великую битву начала, много народу с обеих сторон полегло. Однако зачинщик — главарь той шайки — сбежал, на юг, к морю, бежал, на японке женился, сына родил, назвал Цзин Фэйжань, позже шайку покрупнее собрал, на море династии Цин вредил, жёг, убивал, грабил, злодейств не брезговал, отца своего переплюнул! А ещё пират тот был племянником дашиского императора, хоть и незаконнорождённый выблядок, но обе стороны, дабы союз крепче был, родню любую готовы были признать. Пират дашиского императора «дядей» величал, а тот, скрепя сердце, признавал. Обе стороны в тесном союзе пребывали, а династия Цин, в сравнении с ними, высокомерной казалась, в небесах парящей, мишенью для ударов. Здравомыслием это не назовёшь, глупостью зовётся!

Посему первым делом — привлечь тех, кого можно. Что ж, открыть пограничные рынки

хотите? У династии Цин в животе у канцлера лодка помещается, дела прошлые пока забудем, союз заключим, все мирно торговать будут. Что надо — на рынок меняйте, я не препятствую. Но коли и дальше злодейства творить да барыши снимать захотите — тогда уж извините, сколь крепок орех ни будь — разгрызу!

Двадцать с лишним лет династия Цин с жунами дралась, Сяо Юй с Лу Хунцзином, приняв командование, редко проигрывали (хоть Лу Хунцзин иной раз подлыми приёмами пользовался, победа не слишком красивой выходила, но на войне хитрость — не обман, важен результат, не благородство). Жунов порядком прижали, прежде убытков много понесли, так что вряд ли легко будет, как прежде, задираться.

Сяо Юй сперва думал императора склонить, дабы тот золотыми устами на совете дело сие предложил. Императору, конечно, самому говорить не надо, за него скажут. Министр чинов — должность весомая, да и авторитет Чжан Цаншуйа в совете — один из высочайших. И что же? Где надо — лица не сделали. Первым лицо не сделал министр доходов Ляо Чжисинь. Что он первым выступит — Сяо Юй не ожидал, ибо нрав у того редкой прямоты, в делах людских округлить никогда не умел. Ведал он казной государственной, траты положенные — не дожидаясь, когда попросят, сам разрешал, траты неположенные — хоть сам император, и ломаного гроша у него не выпросит. Год назад император в летней северной резиденции беседку построить возжелал, в Департаменте внутренних дел средств сразу не нашлось, вот государь с ним наедине и говорит: руку ослабь, «одолжи» немного, потом департамент недостачу восполнит. Тот, услышав, ни слова не говоря, шапку чиновничью снял, на стол положил, сам на колени встал и так молвил:

— Государь, вы непременно одолжить желаете? Если так, я отставку прошу.

То есть у него одолжить не выйдет, попробуйте другого министра доходов поискать. Вот такой осёл! Императору ничего не оставалось, как отшутиться да дело замять, а о беседке с тех пор и речи не было.

Однако открытие пограничных рынков — ключ всей шахматной партии. Удастся ли жунов удержать, получится ли руки развязать для битв необходимых — всё на этом ходе держится.

Чжан Цаншуй десять выгод открытия рынков перечислил да десять зол от запрета, долго говорил, красноречиво, большинство в зале растрогал. Ляо Чжисинь одной фразой парировал:

— Господин Чжан, вы об открытии рынков ходатайствуете, всецело от общественной пользы исходя? Осмелюсь сказать, и сторонники, и противники ныне в зале у каждого свои резоны. По правде говоря, если бы лишь для пропитания жителей окраин — я бы не слова не сказал. Но земли династии Цин на тысячи ли простираются, с юга на север, с востока на запад, разве лишь на севере жители окраин есть? Открыть рынки — легко, а законы за ними поспели? Военная мощь династии Цин поспела? Вооружения поспели? Если ничего не поспело, то открытие рынков — всё равно что детская забава!

Чжан Цаншуй ему ответил:

— Большинство дел поднебесной изначально законами не обставлены. Из небытия в бытие, из дырявого в неузвимое — не ожиданием достигается, а поиском. Если, как господин Ляо

изволит говорить, дожждаться, пока законы полны будут, всё приготовят, — тогда поздно будет. Всё поздно будет.

Оба — сановники высокие, слова весомые, речи с намёками — многим на долгие дни пища для размышлений.

В совете дела, можно сказать, с самого начала не заладились. Время жмёт, тянуть нельзя, долгие размышления невозможны, оставалось лишь на Ляо Чжисине сосредоточиться. Сяо Юй все мысли положил на то, с какого бока подступиться к сему ослу-министру, целый день в хлопотах да связях провёл, и лишь в сумерках вернулся в купленный маленький дворик на покой. Сердце устало, аппетита нет, думал, доберётся — и на кровать рухнет, заснёт мёртвым сном, хоть трава не расти. Дверь открыл — а в горнице светильник горит.

Усталость телесная и душевная у Сяо Юя разом крыльями обрела и улетела. Уши загорелись, в горле пересохло. Всё казалось сном, верить не смел. В несколько шагов ворвался внутрь, увидел того воочию — и слов не нашёл, лишь спустя время глупо вымолвил:

— Пришёл.

Слова те же, что и тогда. Тогда, когда он на скопленные гроши дворик сей приобрёл, тот пришёл его навестить. Дверь скрипнула — он тоже выскочил, в дверях загородил, тоже слов не находил, выждав, лишь два слова выдавил: «Пришёл». Естественно, словно так и должно быть, словно он всегда здесь его возвращения ждал. Или наоборот — Ляо Цюли всегда здесь его, Сяо Юя, возвращения ждал. День за днём, год за годом, только они двое.

<http://bllate.org/book/15507/1377426>